

скорби гредут . . . , понеже царь неукротимо гневается на ню» (л. 193 об.), в страхе восклицает: «О како она имат отвещевати против злоковарных нынешних философов и праяростных церковных учителей, ибо есть весьма смиренна и не лукава?» (л. 194). «Злоковарные философы» и «преяростные церковные учителя» могли появиться в тексте Жития лишь после таких, памятных старообрядцам «истязаний» о вере, каким был, например, проезд «учителя» иеромонаха Неофита в конце 1722 г. в Олонецкий край для «разглагольствования» с выговскими пустынножителями.¹⁸

Текстологическая и стилистическая близость редакции Жития Морозовой в «Винограде Российском» и краткой редакции, одинаковые заглавия и концовки самого старшего списка Жития и редакции «Винограда Российского», преимущественное распространение краткой редакции в Поморье и время написания наводят на мысль, не принадлежат ли обе редакции одному лицу — Семену Денисову? С. Денисов — автор большого количества сочинений, в том числе и «Винограда Российского». Мы пока не имеем данных, чтобы с уверенностью судить о том, какая из двух редакций — редакция «Винограда» или краткая редакция Жития Морозовой — могла возникнуть раньше. Однако несомненно, что обращение С. Денисова к житию и образу Морозовой было неслучайным. Можно предполагать, что выговские старообрядцы готовились к канонизации Морозовой.

Деятельность братьев А. и С. Денисовых — основателей знаменитой Выго-Лексинской обители протекала в первой половине XVIII в., когда из среды старообрядчества не появлялись деятели такого размаха и такой силы воли, какими были вожди старообрядчества в его начальный период. «Сама история жизни „первоучителей“ старообрядчества сделалась образцом для подражания и предметом почитания. Описание их жизни оказалось превосходным материалом для пропаганды идей движения».¹⁹ Несгибаемая твердость в вере протопопа Аввакума или соловецких «страдальцев» восхищала, поражала и служила примером стойкости в делах веры. Но еще более поразительным казался старообрядцу пример женщины, пренебрегшей богатством, высоким положением и мученической смертью запечатлевшей верность своим убеждениям.

Насколько велика была вдохновляющая сила «подвига» Морозовой, можно судить по тому, что сам Семен Денисов руководствовался примером ее поведения в некоторых случаях жизни. Из Жития Морозовой распространенной редакции (которая, несомненно, была известна С. Денисову) следует, что Морозова и Урусова не желали посещать никонианскую церковь, в которой «поют, не хваляще бога, но хуляще его спасителя, и законы его попирающе»,²⁰ и, насильно влачимые в церковь, отказыва-

¹⁸ См. «О посланном из Синода учителе иеромонахе Неофите, и о разглагольствовании с ним выговских пустынножителей о вере, и о его вопросах и данных ему ответах» (Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. Изд. Д. А. Кожанчикова, СПб., 1862, стр. 169—191). Осадой старообрядческих скитов воинскими командами в XVIII в. наваяно описание прихода в дом боярыни Морозовой посланных от царя: Морозова и Урусова «ждуще вскоре присланных от царя, абие же узревше грядущих скоро и обступльших дом, а инни и во двор влезоша» (л. 195). Приметами XVIII в. (послепетровской поры) являются также вежливая форма обращения на Вы: княгиня Е. П. Урусова «во всем также противится повелению вашему — на сие что повелеш, государю?» (л. 196 об.), употребление слов «персона» (л. 212), «корета» (лл. 207 об., 212), выражения «гражданская честь» (лл. 199, 208 об.), «гражданский суд» (л. 211).

¹⁹ А. Н. Робинсон. Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии. — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 203.

²⁰ Материалы, стр. 169.